

Константин Вагинов и его «Звукоподобие»: проблема состава посмертной поэтической книги

1

Для К. К. Вагинова-поэта во все периоды его творчества были характерны как циклообразование, так и выстраивание сборников стихотворений по определенной схеме (создание т. н. «большой формы»¹). Так, уже первый сборник поэта «Путешествие в хаос» (Пг., 1921) состоит из двух циклов, поэтически реализующих два путешествия: первое — в Хаос (название цикла совпадает с названием книги), второе — «На Острова вырожденных» (цикл называется «Острова»). В начале 1920-х гг. Вагинов создает циклы «Финский берег», «Петербургский звездочет», «Ночь на Литейном» — каждый включает в себя три или пять стихотворений, чаще пронумерованных, объединенных и образной системой — сквозными образами Петербурга, и тематически — идеей заката европейской цивилизации и Петербурга как ее символа. Об особой творческой манере Вагинова — «сочинении циклами» — писала близкая знакомая поэта Вера Лурье еще в 1923 г.:

Он символист; ключ к пониманию своих стихов часто находит лишь после их написания; тогда вокруг одного стихотворения создает целый стихотворный цикл, причем последние стихи его циклов бывают обычно проясненнее первых: таким образом, у Вагинова в творческом процессе — два периода: первый, когда он пишет непонятное, затем второй, когда от непонятного переходит к проясненным произведениям [Лурье 1925: 12].

Книга стихов как форма появляется у Вагинова немного позднее: неопубликованный при жизни автора сборник «Петербургские ночи» (Пг., 1922) имеет достаточно сложное построение — 7 циклов с «предисловием» — отдельным текстом, не включенным в общую композицию книги, предваряющим ее.

¹ Термин, предложенный Ю. Н. Тыняновым [см.: Тынянов 1977: 259—260].

ворений, датированных началом 1930-х гг. появились в печати (Звезда: Лит.-худ. альманах. Л., 1930. С. 176—177; Звезда. 1933. № 1. С. 85—86). Кроме того, сохранились авторизованные машинописи четырех поэтических текстов, относящихся к тому же периоду [см.: ОР РНБ. Ф. 1325. № 6—9]. Оформление этих машинописей (проставленное в правом верхнем углу имя автора, тщательно выверенная Вагиновым пунктуация) свидетельствует о том, что, возможно, эти копии предназначались для распространения. О том, что поэзия Вагинова тех лет была известна современникам, также говорит сохранившаяся запись Даниила Хармса — отдельные строчки из новых стихотворений Вагинова: «Вагинов. Звукоподобие. Голос нэпа. Негр и медь. передник перед ним сновал»². Однако нет ни единого свидетельства того, что Вагиновым задумывался поэтический сборник, тем более не упоминается слово «Звукоподобие» как заглавие новой книги.

Однако уже во второй половине 1930-х гг., сразу после смерти Вагинова, появляются копии сборника под заглавием «Звукоподобие». Прежде всего, это машинопись из архива Н. С. Тихонова, выполненная и правленная А. И. Вагиновой, вдовой поэта [см.: ОР РНБ. Ф. 1325. № 1]. Эта машинопись включает в себя уже 29 стихотворений (плюс драматическая поэма), на обложке значится: «Конст. Вагинов. Звукоподобие. Ленинград. 1934». Также до нас дошла рукописная копия части сборника (11 текстов из 29), озаглавленная как «Звукоподобие» и выполненная рукой Вс. Н. Петрова [см.: РО ИРЛИ. Ф. 809, № 90]. Она относится приблизительно к 1930-м гг. Копия свидетельствует о том, что к этому времени сборник распространялся в списках.

Сохранились свидетельства того, что после смерти Вагинова осталась книга, называемая «Звукоподобие». Так, копия сборника оказалась на руках у О. Э. Мандельштама, читавшего его во время воронежской ссылки. По-видимому, рукопись сборника

² Запись была сделана на обороте листка со стихотворением «Узы верности ломаешь...», датированным 18 сентября 1931 г. [ОР РНБ. Ф. 1232. № 132]. Именно здесь впервые появляется слово «Звукоподобие» — однако непонятно, название ли это сборника, или строка одного из стихотворений.

ему привез С. Б. Рудаков³, который приходился Вагинову родственником: сестра Рудакова Ирина была замужем за старшим братом Вагинова Алексеем Константиновичем. Отзывы Мандельштама о «Звукоподобии» дошли до нас в письмах Рудакова к жене:

Днем спал у М<андельштама> — с 1 до 3. Потом читали Вагинова. Он злобствует, говорит, что это звукоПРЕподобие: на отдельные вещи восхищается.

<...> С Вагиновым происходит любопытнейшее явление: «Преподобие» «оказывается» замечательной книгой. Я читаю ему вещи с перерывами — по одной — он вслушивается — запоминает, хвалит и наслаждается [Рудаков 1997: 48, 50].

Почти 30 лет сборник был неизвестен широкому кругу читателей. Новый этап истории «Звукоподобия» начинается в середине 1960-х гг., когда с А. И. Вагиновой, вдовой поэта, стали общаться молодые исследователи, которым она предоставляла копии сборника. В частности, Вагинова подарила Т. Л. Никольской и Л. Н. Черткову тетрадь, в которую ее рукой были записаны тексты из «Звукоподобия». Позднее, в 1970—1980-х гг., вдова отпечатала некоторое количество копий сборника и раздарила их знакомым. На данный момент нам известно несколько таких копий, связанных с именем Вагиновой: машинопись из ее личного архива (предположительно, 1970-х гг.) [см.: РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 4. № 268]; более поздние копии, подаренные в 1970-х — начале 1980-х гг. Е. Н. Залесскому, Д. Е. Максимову, Л. Н. Рахманову⁴ и др. Копию, посланную Д. Е. Максимову, Вагинова сопроводила письмом, в котором сообщает:

Посылаю Вам «Звукоподобие», возвращать его не надо. <...> Когда Костя писал эти стихи, он знал, что смертельно болен, отсюда и грусть, а иногда отчаяние. Эту книгу мы собирали вместе за две недели до его смерти, потом он очень страдал [цит. по: Дмитренко 2000: 456].

³ Именно так считают публикаторы писем С. Б. Рудакова к жене [Рудаков 1997: 49].

⁴ Копия, принадлежавшая Е. Н. Залесскому, в настоящее время хранится в архиве О. А. Юрьева; копия Л. Н. Рахманова — в его личном архиве; местонахождение копии Д. Е. Максимова неизвестно.

Таким образом, мы располагаем отрывочными свидетельствами о сборнике «Звукоподобие» при жизни его автора и полным вариантом сборника, единственным хранителем которого была вдова Вагинова, — после его смерти. Однако даже в копиях, подготовленных вдовой, нет единства: большое число разночтений, измененный порядок текстов, трансформации состава. По сути, почти каждая такая копия дает нам новый вариант «Звукоподобия». Перед исследователем встает проблема, что же считать сборником стихотворений Вагинова?

3

Наше внимание сосредоточено в первую очередь на проблеме состава и на бытовании этого собрания текстов именно как сборника. В этой большой проблеме мы выделяем три аспекта. Первый — включение поэмы «1925 год» в «Звукоподобие». Второй — состав сборника, количество текстов в нем. Третий — порядок этих текстов, который, как мы показали выше, был для Вагинова существенным элементом формы его поэтических книг.

В копиях «Звукоподобия», сделанных вдовой Вагинова, в состав сборника включена драматическая поэма — раннее произведение Вагинова, также неопубликованное. Причины его появления в сборнике не ясны. Созданная в июне 1925 г., поэма вскоре перестает существовать как самостоятельное произведение: начальные строки уже в 1926 г. были переделаны в небольшое стихотворение и напечатаны отдельно. По-видимому, поэма не мыслилась Вагиновым как законченная, не была опубликована и осталась неизвестной современникам. О ее существовании имеется лишь два свидетельства: Чертков ссылается на письмо Ф. Наппельбаум, в котором она упоминает, что Вагинов написал пьесу, «разумеется, не постановочную» [цит по: Чертков 1982: 224]. Также упоминание о поэме находим в мемуарах Н. К. Чуковского: «В ненапечатанной вагиновской поэме “1925 год” Тептелкин разговаривает с Филостратом...» [Чуковский 1989: 191].

В составе сборника «Звукоподобие» нас интересует тот факт, что поэма «1925 год» внезапно оказывается в ряду со стихотворениями, написанными гораздо позже: самое раннее — приблизительно в 1930 г., самое позднее — в декабре 1933 или феврале 1934 г. (в разных копиях проставлена разная дата). Поэма могла попасть в две предыдущие поэтические книги (1926 г., 1931 г.), но не была туда включена самим автором. Тем удивительнее ее появление в «Звукоподобии», собрании стихотворений, радикально отличающихся от раннего творчества Вагинова. Поэма целиком обращена к контексту его юношеской лирики — в ней наиболее ярко проявились основные мотивы ранних стихотворений:

Мир Вагинова этих лет — это мир античных ассоциаций. <...> Но это не торжественный мир Эллады Вяч. Иванова <...> О. Мандельштама. Это болезненный деградирующий и тем ярче цветущий перед падением эллинизм упадка [Чертков 1982: 223].

Главное действующее лицо поэмы — юноша Филострат, чей образ окончательно покидает лирику Вагинова к 1924—1925 гг. Поэтика «Звукоподобия» совершенно иная: уходит увлечение эллинизмом, образы становятся более обыденными, простыми.

Слова, некогда поражавшие невероятностью сочетаний, завораживавшие нездешней музыкой, теперь побледнели <...> от прошлого осталась лишь неистребимая странность тающих смыслов [Герасимова 1989: 159].

Иными словами, поэма выглядит инородной для сборника «Звукоподобие»: она не воспринимается в контексте других стихотворений книги. Скорее всего, вдова Вагинова включила поэму в состав сборника как ранее не опубликованное и неизвестное произведение [подробнее см.: Пахомова 2014]

Наличие в корпусе текстов Вагинова как большого числа циклов, так и нескольких поэтических книг, поставило во-

прос о статусе «Звукоподобия» — что же это, цикл или книга? Какой набор текстов можно с уверенностью считать сборником «Звукоподобие»? В настоящий момент мы располагаем двумя видами копий. Как «цикл» «Звукоподобие» было переписано Вс. Н. Петровым в 1930-х гг. Само понятие «цикл» подразумевает меньшую по объему и более однородную подборку стихов, нежели сборник. В состав копии Петрова входит 11 текстов. Как книгу мы узнаем «Звукоподобие» в середине XX в., когда его начала распространять А. И. Вагинова. Копии сборника, сделанные ею, состоят из 29 стихотворений. В некоторых копиях имеется титульный лист, на котором проставлено «Конст. Вагинов. Звукоподобие. Ленинград», проставлена дата — 1934 [см.: ОР РНБ. Ф. 1325. № 1], в одном случае даже имеется содержание, составленное вдовой [см.: РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 4. № 268.]. Следовательно, Вагинова мыслила «Звукоподобие» книгой.

Но насколько состав текстов в поздних копиях, сделанных Вагиновой, идентичен тому «Звукоподобию», которое задумывалось первоначально?

Так как мы не располагаем архетипом⁵ всего сборника, то есть материальной копией, оставшейся после смерти Вагинова (автографы, авторизованные списки и машинописи) и абсолютно точно отражающей его авторскую волю, мы вынуждены признать приоритет наиболее ранних копий. Таковой является машинопись из архива Н. С. Тихонова — наиболее полный вариант «Звукоподобия». Тем не менее следует помнить, что состав сборника в копиях Вагиновой, как было показано в случае с поэмой, подвергся очень сильным изменениям со стороны вдовы.

Список Петрова занимает совершенно особое место. Это самостоятельный источник, отражающий некоторые разночтения, которые не повторяются больше ни в одной из копий. Сам по себе состав этого источника может вызывать некоторые со-

⁵ Указанный термин мы понимаем так: «Образец, от которого началось первое разветвление, мы называем *архетипом*. Текст архетипа свободен от всех ошибок, появившихся после разветвления и, следовательно, ближе к оригиналу, чем текст любого из свидетельств» [Маас 2011: 142]

мнения: возможно, Петров располагал лишь ранним вариантом сборника, и в дальнейшем он мог расширяться и включать в себя другие стихотворения.

5

Что касается расположения текстов в сборнике «Звукоподобие», то у нас нет достоверной информации о том, каким образом Вагинов собирался выстраивать книгу и собирался ли вообще. Мы не располагаем ни одной копией сборника, в которой порядок текстов мог бы свидетельствовать о продуманной композиции: чаще всего это последовательность, близкая к хронологической. Можно лишь отметить, что простейший хронологический порядок текстов для сборников Вагинова не характерен.

Важен и тот факт, что почти во всех копиях «Звукоподобие» имеет свое особенное устройство. Например, порядок текстов в списке Петрова не совпадает с порядком тех же текстов в машинописи Тихонова. Это затрудняет анализ композиции, делая его почти невозможным и нерелевантным — поскольку говорить о творческой воле автора в построении сборника мы категорически не можем. Более того, возникает закономерный вопрос: а был ли сборник вообще? Не могло ли после смерти Вагинова остаться некоторое количество стихотворений, которые готовились как часть сборника «Звукоподобие», но остались не соединенными друг с другом в «большую форму» самим автором и были собраны под заглавием «Звукоподобие» позднейшими переписчиками, в первую очередь — вдовой Вагинова, которая избрала нейтральный хронологический порядок стихотворений? В этом случае, конечно, говорить о сборнике мы не можем — только о стихотворениях «из сборника».

Впрочем, у нас нет достаточных оснований не доверять Вагиновой, тем более что, за неимением никаких авторских свидетельств о замысле, машинописи вдовы — это едва ли не единственное, что доказывает существование сборника. Пото-

му практически во всем — в порядке стихотворений, в полноте и характере текста — мы вынуждены опираться на машинописи, сделанные вдовой, считая их наиболее точным отражением творческой воли автора.

Такое решение, однако, сводит к нулю значимость всех попыток проанализировать сборник как «большую форму», выделить тот контекст, на фоне которого происходит объединение текстов в единую книгу и который образует вторичное смысловое пространство, доминирующее над идеей каждого текста в отдельности. Конечно, выделение сквозных образов, лейтмотивов сборника возможно, но разговор о «развитии идеи» или о «движении смысла», скорее всего, будет неправильным именно ввиду специфики дошедшего до нас материала.

Сборник «Звукоподобие», таким образом, становится еще одной иллюстрацией к проблеме бытования неофициальной советской литературы. Лишенные возможности публиковать свои произведения авторы или близкие им люди были вынуждены как-то фиксировать тексты: записывать, запоминать, отдавать рукописи на сохранение⁶. В этом случае вопрос аутентичности не стоял — главным было сохранение текста в любом виде.

Нам доподлинно не известно, была ли у вдовы Вагинова некая копия, с которой она делала перепечатки или сборник хранился только в ее памяти. Однако, признав за копиями вдовы статус одного из основных источников текста, мы снимаем этот вопрос, с благодарностью принимая то, что Вагинова смогла сохранить для будущих читателей.

СОКРАЩЕНИЯ

Бройтман 2005 — Бройтман С. Н. Заглавие в книге К. Вагинова «Опыты соединения слов посредством ритма» // Контрапункт: Кн. ст. памяти Г. А. Белой. М., 2005. С. 195—203.

⁶ Подобные случаи имели место в биографии О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой, М. А. Кузмина и др.

Вагинов 1982 — *Вагинов К. К.* Собрание стихотворений / Сост., послесл. и примеч. Л. Черткова; предисл. В. Казака. München, 1982.

Вагинов 1998 — *Вагинов К. К.* Стихотворения и поэмы / Подгот. текста, сост., вступ. ст., примеч. А. Герасимовой. Томск, 1998.

Вагинов 2012 — *Вагинов К. К.* Песня слов / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Г. Герасимовой. М., 2012.

Герасимова 1989 — *Герасимова А. Г.* Труды и дни Константина Вагинова // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 131—166.

Гинзбург 1997 — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М., 1997. С. 225—288.

Дмитренко 2000 — *Дмитренко А. Л.* Статья Д. Е. Максимова о К. К. Вагинове: Контур неосуществленного замысла // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. 3. № 2. С. 454—470.

Лурье 1925 — *Лурье В.* Петроградское // Дни. 1923. № 232. С. 12.

Маас 2011 — *Маас П.* Критика текста // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М., 2011. Т. 4. С. 136—173.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Пахомова 2014 — *Пахомова А.* Поэма К. К. Вагинова «<1925 год>»: проблемы поэтики и текстологии // Десятая международная летняя школа по русской литературе: Сб. статей. СПб., 2014. С. 202—215.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы.

Рудаков 1997 — О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене <Л. С. Финкельштейн> (1935—1936) / Вступ. ст. Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца; Публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца; Коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса и О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 8—236.

Тынянов 1977 — Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Фоменко 1992 — Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992. С. 4—6.

Чертков 1982 — Чертков Л. Н. Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. Собрание стихотворений. München, 1982. С. 213—230.

Чуковский 1989 — Чуковский Н. К. Константин Вагинов // Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 177—201.